

Кстати: с Мережк. я на $1/2$ примирился, прочтя «Вечных спутников»: кой-что отлично; по выражению (мне кажется) все слабо, безвольно, простите за выражение — «импотентно», но есть почти высокие или во всяком случае замечательные мысли (про Петра и Пушкина и славянофильство; но лучше — «Дафнис и Хлоя»); но он вовсе не понимает, что Мар. Авр. был скучель всяческой ограниченности, что жена ему не напрасно рога наставила, и сын, при таком тошнотворном папаше, поневоле стал гладиатором.

Не наверно, но, может быть, З-го приду; по правде — мне нравитесь Вы, но вообще «литераторы» (=«крапивное семя» старомосковских времен) — я тем более их почему-то не люблю, чем страшнее и мучительнее (т. е. malgré moi*) ушел в литературу.

Ваш В. Розанов.

Л. Н. ТОЛСТОМУ

<Июль — август 1898>

Глубокоуважаемый граф Лев Николаевич!

Так трудно ожидать от Вас ответа; так совестно Вас затруднять ответом; но так хочется от Вас ответа; да что ответ: хочется Вашего всемирного глагола, дабы приковать всемирное внимание к мучительнейшей на мой взгляд теме: как возможна стала в христианском мире проституция? как и почему только в этом одном мире она терпится? и то, чего с собою не допускает (говорили мне) цыганка, поклоняющаяся каким-то духам или звездам, позволяет (а иногда сама идет) христианка? Почему одно христианство не расходится яростно с проституцией, но допускает ее к совместительству с собою. Долгие годы об этом (именно, именно о проституции) продумав, я поколебался, окаянный, в самом христианстве: да ведь христианство есть плевание на пол как мерзость; чудно ли, что заплеванное так и имеет вид заплеванного, каковой вид мы и зrim в проституции?

По христианству эта сторона моей природы есть гадкая вещь, свиной остаток: и вот, занимаясь гражданством, я держу свинью на привязи до той минуты, пока веревка не рвется; тогда я иду и несу остаток в себе свиньи естественно в свиной хлев, т. е. дом терпимости. Вот логика уничтожительного воззрения на свой пол, которая действуя $1\frac{1}{2}$ тысячи лет «искре-

* Вопреки себе (франц.).

тила» нашу цивилизацию домами терпимости. Зная, что Вы много плакали и, так сказать, рыдали в сердце своем об этой стороне человеческой природы, осмеливаюсь спросить Вашего кратчайшего слова: не кожу ли я по краю бездны в своих умствованиях, или отчасти угадываю истину, начиная по стогнам и весям кричать «Осанна» полу? Простите вечно усталого и Вас чистосердечно любящего В. Розанова.

Сын Ваш, в возражении Вам, только в одном (мне думается) ошибся: он сказал — есть грех в поле; тут мы еще ничего не получим; нужно сгустить атмосферу: не только нет греха, но есть святость: а, это другое дело! тогда нельзя идти в дом терпимости, бегать от жены к горничной (или француженке) etc. На почве физиологии мы получаем смиренный умеренный гигиенический разврат; но только на почве «Осанна», т. е., казалось бы, падая в бездну, мы, напротив, и несемся ввысь к святыму браку, к осторожности в браке, кдержанности в браке. Простите, глубокоуважаемый Лев Николаевич, что я осмеливаюсь попросить у Вас праздного глагола на это сомнение, и не взыщите за несколько бессвязное письмо от очень, очень усталого и вечно усталого человека (непрерывное писание для существования с порядочной семьей и болеющей женой). Адрес для возможного ответа: Петербург, Петербургская сторона, Павловская улица, дом 2, кв. 24. Василью Васильевичу Розанову.

Но может быть Вы совершенно вышли из этого цикла идей; просто самая тема — стала для Вас отвратительна; новые взгляды, чистая духовность овладела Вами (о, да почему же матерная улыбка над младенцем не «чистая духовность» никогда не мог понять) — тогда ничего мне не пишите. Я всю зиму об этой теме спорил с С. А. Рачинским, но ему *противна* эта тема — и он в ней ничего (по-моему) не понимает: брак и «тайство», по его содержанию, «одному у него с суррогатами брака» (его слова) — «гадкое». Ну, тогда ничего не понятно, и не понятно, как церковь «свиней» повела к венцу *ad* и *ante** свинейших секунд. По-моему христианство *вовсе не вдумывалось* в эти темы и само широко и свободно раскинулось (аскезис) именно в меру того, как боязливо притаившийся пол пустил его. Я, окаянный, собираюсь поселить его назад: иначе человечество сгниет в сифилисе, этой специально христианской болезни, и это христиане вместе с водкою несут желтой, красной и черной расе.

* К и до (лат.).